

УДК 93/94

Е.О. ШЕВЦОВ

(zhenyashevtsov2016@yandex.ru)

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова

НАЦИСТСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ НА ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (экономическая политика)*

Проводится анализ экономических мероприятий немецких оккупационных властей на занятых территориях Советского Союза на основе приказов и директив в рамках «Генерального плана Ост», а также идет рассмотрение основных директив «Зеленой папки» Г. Геринга.

Ключевые слова: «Зеленая папка», план «Ольденбург», оккупация, Великая Отечественная война, экономическая политика.

Оккупационная политика нацистской Германии на территории Советского Союза в ходе Великой Отечественной войны – один из мрачных и разрушительных эпизодов в истории XX в. Экономическая эксплуатация захваченных территорий являлась ключевым элементом стратегии Третьего рейха, направленной на обеспечение ресурсами военной машины Германии и реализацию расово-идеологических идей нацизма.

Актуальность темы обусловлена необходимостью сохранения исторической памяти о преступлениях нацизма, а также важностью экономических аспектов войны для понимания стратегических просчетов Германии и факторов победы СССР.

Задачей данной работы выступает изучение мероприятий оккупационных властей на основе изучения приказов и директив немецкого командования, а также связь экономической политики с расовой идеологией нацистской Германии.

По тематике экономической политики Третьего рейха на оккупированных территориях Советского союза проведены массовые исследования иностранных и отечественных авторов.

Главным источником для изучения данной политики служит так называемая «Зеленая папка», разработкой которой занимался на тот момент исполняющий обязанности рейхсминистра экономики Герман Геринг.

«Зеленая папка» Геринга – это экономическая директива как инструмент тотальной войны и колонизации Востока. Разработанная под руководством Германа Геринга и утвержденная не позднее 16 июня 1941 г., так называемая «Зеленая папка» (официальное название – «Директива по руководству экономикой в подлежащих оккупации восточных областях») [9, с. 45], представляла собой не просто свод технических указаний для военных и хозяйственных органов. Этот документ служил программным манифестом, в котором экономическая эксплуатация оккупированных территорий СССР возводилась в ранг государственной политики, предвзято и обеспечивая их последующую колонизацию [2, с. 112–115]. Хотя формально ее предписания были адресованы командованию вермахта и имели статус военных приказов на период боевых действий [13, с. 78], их стратегическая цель выходила далеко за оперативные рамки. «Зеленая папка» закладывала идеологические и административные основы для долгосрочного ограбления и порабощения восточных земель, превращая войну на уничтожение в систематическую экономическую практику [12, с. 158–160].

«Зеленая папка» Г. Геринга от 16 июня 1941 г. представляла собой не столько административную инструкцию, сколько концептуальную основу для проведения экономической войны на уничтожение, направленной на системную дезинтеграцию социально-хозяйственного пространства оккупированных советских территорий [7, с. 45]. В отличие от традиционных практик военной контрибуции, документ

* Работа выполнена под руководством Дулова А.Н., кандидата исторических наук, доцента кафедры истории и культурного наследия ВГУ имени П.М. Машерова.

предписывал реализацию стратегии «выжженной земли» в отношении регионов, признанных «неперспективными» (в частности, нечерноземных областей России), санкционируя тем самым целенаправленное доведение местного населения до голодной смерти [2, с. 118].

Ключевым инструментом данной политики становилось радикальное перераспределение ресурсов: «Согласно приказам фюрера, необходимо принять все меры к немедленному и возможно более полному использованию оккупированных областей в интересах Германии. Все мероприятия, которые могли бы воспрепятствовать достижению этой цели, должны быть отложены или вовсе отменены» [9, с. 48]. Этот императив легитимизировал не только конфискацию продовольствия и сырья, но и демонтаж всей промышленной инфраструктуры, не ориентированной на нужды вермахта [5, с. 92].

Принцип «дифференцированного отношения к отдельным частям страны», закрепленный в директиве, фактически институционализировал пространственную сегрегацию по колониальному признаку: «Развитие хозяйства и поддержание порядка следует проводить только в тех областях, где мы можем добыть значительные резервы сельскохозяйственных продуктов и нефти, а в остальных частях страны... экономическая деятельность должна ограничиваться использованием обнаруженных запасов» [9, с. 49]. Такой подход, как отмечает А. Кайзер, превращал экономическое управление в инструмент геноцида, где решение о жизни или смерти целых регионов принималось на основе их хозяйственной полезности для рейха [14, с. 76]. Тем самым «Зеленая папка» стала программным документом, транслировавшим идеологию «расы господ» в сферу военно-хозяйственного планирования [12, с. 204].

Экономическая политика нацистов, согласно данной директиве, предусматривала безжалостную эксплуатацию захваченных ресурсов исходя из местной специфики регионов и их общего развития.

Основная роль в экономической эксплуатации захваченных территорий отводилась сельскохозяйственной и добывающей промышленности, которая, в большей степени, должна была преобладать над всеми видами обрабатывающей промышленности [1, с. 78]. Немецкая экономическая политика предусматривала собой создание обширных продовольственных запасов, которые должны были обеспечить нужды не только регулярной армии, но и всего немецкого народа, который должен был расселиться в будущем на «новые» территории в качестве немецких колонистов [15, с. 104].

В плане добывающей промышленности особое внимание уделялось нефтяным запасам Советского Союза, т. к. нацистская Германия остро нуждалась в этом сырье [16, с. 450]: на момент войны они использовали месторождения нефти на территории Румынии, а также покупали нефть из третьих стран, которые не являлись участниками войны. Тем самым немецкое руководство рассматривало планы по укреплению топливной и энергетической безопасности.

Так, в записках генерала Нагеля, который входил в военно-хозяйственный штаб ОКВ при Геринге, отмечалось: «Рейхсмаршал считает необходимым держать наготове большое количество для бурения и добычи нефти, для того чтобы в случае наличия разрушенных сооружений можно было немедленно – в том числе и в неразработанных местах – приступить к добыче» [6, с. 245].

Немецкие власти не ставили вопрос о сохранении промышленности на территории Советского Союза и также не рассматривали восстановление уже разрушенных предприятий.

Однако надежды гитлеровцев на захват промышленных районов не увенчались успехом, т. к. заводы и оборудование были эвакуированы, а что не смогли вывезти – было уничтожено. Таким образом, в первые недели оккупации в городах и крупных населенных пунктах восстанавливались коммунальные предприятия. Также провал стратегии «блицкрига» осенью 1941 г. заставил нацистское командование пересмотреть изначальные планы тотальной деиндустриализации оккупированных советских территорий. Затяжной характер войны требовал не только грабежа накопленных ресурсов, но и налаживания на месте производства, критически важного для обеспечения боеспособности вермахта. В связи с этим оккупационные власти вынуждены были предпринять выборочное и сугубо утилитарное восстановление отдельных промышленных объектов.

Вопреки первоначальным установкам «Зеленой папки», предписывавшим ограничиваться использованием обнаруженных запасов, оккупанты стали активно восстанавливать и запускать электростанции, ремонтные мастерские, а также предприятия по производству строительных материалов – кирпичные, цементные и лесопильные заводы. Продукция этих предприятий – электроэнергия, пиломатериалы, цемент – напрямую шла на строительство и ремонт военных дорог, мостов, оборонительных укреплений и аэродромов в прифронтовой полосе» [1, с. 178].

Основным ресурсом для функционирования этой урезанной промышленной инфраструктуры стало насильственно привлекаемое местное население. Труд советских граждан был официально низведен до уровня бесплатной и возобновляемой рабочей силы. Ключевым документом, закрепившим этот подход, стал приказ министра вооружений и боеприпасов Фрица Тодта от 28 июля 1941 г. В нем со всей откровенностью провозглашалось: «На русской территории действуют совершенно другие правила использования рабочей силы, чем в Западной Европе. Использование рабочей силы нужно главным образом осуществлять в порядке трудовой и гужевой повинности без какого-либо вознаграждения» [10, с. 174].

Данная цитата является ярким свидетельством сращивания экономической практики с расовой идеологией. Установление «совершенно других правил» для населения Востока легитимизировало его исключение из сферы моральных и правовых норм, принятых в отношении европейских народов. Термин «трудовая повинность» (Arbeitspflicht), уходящий корнями в средневековое крепостное право, сознательно использовался для обозначения рабского статуса советских граждан. Отсутствие вознаграждения не только удешевляло эксплуатацию, но и служило инструментом планомерного физического уничтожения «неполноценных» народов через истощение и голод [8, с. 245].

Таким образом, выборочное восстановление промышленности оккупантами не отменяло, а, напротив, усиливало грабительский характер их экономической политики. Оно было подчинено узким, сиюминутным задачам поддержания боеспособности вермахта и осуществлялось методами тотального принуждения, что в полной мере раскрывало сущность нацистского оккупационного режима как системы, основанной на терроре и рабском труде.

В условиях планомерного ограбления оккупированных территорий и изъятия продовольственных ресурсов для нужд рейха, оккупационная администрация была вынуждена создать видимость заботы о рабочей силе, необходимой для функционирования обслуживающих вермахт предприятий. С этой целью организовывалась система нормированного распределения продуктов через специальные магазины и по карточкам. Однако анализ установленных норм однозначно свидетельствует, что данная система преследовала не гуманитарные, а сугубо утилитарные и карательные цели, выступая инструментом дискриминации и медленного уничтожения населения.

Рабочие, занятые на восстановленных немцами предприятиях, получали по карточкам продукты в количестве, заведомо недостаточном для поддержания жизни и трудоспособности. Типичный месячный паек, фиксируемый архивными документами, включал: «хлеба – 350 гр. в день; жиров, растительного масла, маргарина – 450 гр. в месяц. Сахара, меда – 300 гр. в месяц; мыла – 100 гр.; сигареты – 50 штук» [3, с. 45].

Историк П.М. Полян отмечает, что «нормы питания для остарбайтеров и местных рабочих на оккупированной территории были рассчитаны на систематическое недоедание и постепенное физическое истощение, что являлось составной частью политики “выжженной земли” и расовой гигиены» [8, с. 215].

Наиболее чудовищным аспектом этой политики было то, что дети и нетрудоспособные члены семьи работающего пайка не получали вовсе [3, с. 45]. Этот принцип, по сути, являлся экономической мерой геноцида, обрекавшей на голодную смерть наиболее уязвимые категории населения – стариков и детей. Он был призван решить сразу несколько задач:

1. Сокращение «лишних ртов»: позволял уменьшить демографическое давление на ресурсы, которые оккупанты считали своими.

2. Усиление контроля: ставил рабочих и их семьи в абсолютную зависимость от администрации, вынуждая работать за самую возможность получить мизерный паек.

3. Реализация расовой доктрины: прямо вытекал из установок нацизма, рассматривавших славянское население как «неполноценное», подлежащее сокращению.

Таким образом, система продовольственного снабжения, формально создаваемая для поддержки рабочих, на деле была механизмом жестокой дискриминации и целенаправленного уничтожения. Она наглядно демонстрирует, как экономические инструменты были поставлены на службу преступным целям нацистской расовой политики, а видимость заботы служила лишь прикрытием для планомерного геноцида.

Одним из самых чудовищных элементов экономической политики являлся угон в Германию на работы. Такие мероприятия начинали проводиться уже с начала 1942 г., после провала плана «молниеносной войны».

Провал блицкрига и переход к затяжной войне на Восточном фронте создали для нацистской Германии критическую проблему нехватки рабочей силы. Увеличение призыва немецких мужчин в вермахт привело к резкому сокращению работников на промышленных предприятиях внутри рейха, выполнявших военные заказы. Статистика демонстрирует масштабы кризиса: в 1941–1942 гг. количество немецких рабочих в экономике Германии сократилось с 33,4 млн до 31,5 млн чел., т. е. на 1,9 млн чел. [1, с. 203]. Единственным решением стало массовое использование труда иностранных рабочих и военнопленных, численность которых за тот же период увеличилась с 3 млн до 4,1 млн человек [Там же, с. 204].

На начальном этапе, в начале 1942 г., оккупационные власти развернули широкомасштабную пропагандистскую кампанию. В городах и деревнях проводились показы кинохроники, изображавшей благополучную жизнь в Германии, распространялись листовки и газеты, организовывались «экскурсии» для молодежи с обещанием профессионального обучения. Как отмечает историк М.И. Семиряга, «пропаганда строилась на обещаниях высоких заработков, хорошего питания и возвращения на родину после войны, что в условиях голода и нищеты оккупации находило отклик у отчаявшихся людей» [16, с. 152]. Формально вербовка велась на добровольной основе, однако уже тогда по волеям спускались строгие разнарядки с указанием количества людей, которых необходимо было поставить.

Очень скоро иллюзии добровольности были развеяны. По мере того, как информация о реальных условиях жизни и труда в Германии просачивалась обратно, поток желающих иссяк. В ответ оккупационный режим перешел к открытому террору. Еще 26 января 1942 г. начальник военного управления хозяйственного штаба «Ост» И. Рахнер распорядился «при вербовке... применять самые строгие меры, используя все имеющиеся средства» [9, с. 20]. Апогеем этой политики стала директива генерального уполномоченного по использованию рабочей силы Фрица Заукеля от 31 марта 1942 г., в которой он требовал от рейхскомиссаров: «Прошу Вас... форсировать вербовку всеми доступными мерами, включая самое суровое применение принципа принудительного труда, с тем, чтобы в кратчайший срок утроить количество завербованных» [Там же]. На практике это вылилось в жестокие облавы, сожжение деревень, отказ в выдаче продовольственных карточек и физическое насилие.

Таким образом, политика массового угона гражданского населения в Германию, начавшаяся как вынужденная экономическая мера, быстро трансформировалась в составную часть нацистской программы порабощения и уничтожения народов СССР, реализуемую с крайней жестокостью и цинизмом.

Немецкое командование планировало в долгосрочной перспективе рассматривать территории Советского Союза в качестве сырьевого придатка с последующим заселением захваченных территорий немецкими колонистами (в рамках идеи о расширении «жизненного пространства») с последующим вывозом захваченного оборудования и квалифицированных рабочих на территорию Германии. После провала «блицкрига», немецкое командование сосредоточилось на решении экономического вопроса «на месте», с целью обеспечения немецкой военной машины всем необходимым для ведения войны не только против Советского Союза, но и против оставшихся стран Запада.

Литература

1. Алиев Р.Ш. Экономическая политика нацистской Германии на оккупированных территориях СССР: планы и реализация (1941–1944). М.: Центрполиграф, 2021.
2. Герлах К. Политика уничтожения: Военная экономика и преступления против человечности в Белоруссии, 1941–1944. М.: РОССПЭН, 2021.
3. Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2010.
4. «Зеленая папка». Директива по руководству экономикой в подлежащих оккупации восточных областях от 16 июня 1941 г. // Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сб. материалов в 7 т. М.: Голосиздат, 1958. Т. 3. С. 23–49.
5. Лозунь В.И. Экономический фактор в плане «Барбаросса»: цели и методы эксплуатации советских территорий // Новая и новейшая история. 2020. № 4. С. 88–97.
6. Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941–1944). М.: Воениздат, 1974.
7. Мюллер Р.-Д. Германская экономическая политика на оккупированных восточных территориях (1941–1944). М.: РОССПЭН, 2018.
8. Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М.: РОССПЭН, 2002.
9. Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). М.: Экономика, 1985.
10. Приказ министра вооружений и боеприпасов Тодта о запрещении оплаты труда рабочих в оккупированных восточных областях и использовании их на тяжелых работах. Берлин, 28 июля 1941 г. // ЦГАОР СССР. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 127. Л. 147–148 / пер. с нем. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3QLSoJ> (дата обращения: 04.11.2025).
11. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000.
12. Снайдер Т. Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным. М.: АСТ, 2021.
13. Хеер Х., Науман К. (ред.) Война на уничтожение: Вермахт и холокост. М.: Новое издательство, 2021.
14. Kaiser A. The Economics of Genocide: The German Occupation Policy in the Soviet Union and the Famine of 1941–1944 // Journal of Contemporary History. 2022. Vol. 57. № 1. P. 68–84.
15. Kay A.J. Exploitation, Resettlement, Mass Murder: Political and Economic Planning for German Occupation Policy in the Soviet Union, 1940–1941. N.Y.: Berghahn Books, 2006.
16. Tooze A. The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy. L.: Penguin Books, 2008.

EVGENIY SHEVTSOV

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

THE NAZI REGIME OF OCCUPATION AT THE TERRITORY OF THE SOVIET UNION (economic policy)

*The analysis of economic events of the German occupation government at the occupied territories of the Soviet Union on the basis of the orders and guidance in the context of the “General Plan Ost” is given.
The basic guidance of the “Green Folder” by H. Goering is considered.*

Key words: “Green Folder”, plan “Oldenburg”, occupation, the Great Patriotic War, economic policy.